

УДК 17.0; 124.1

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-1-80-96

АКСИОЛОГИЯ ХАОСА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Канунов Антон Евгеньевич – кандидат химических наук, старший научный сотрудник, Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики. Российская Федерация, 607188, Нижегородская область, г. Саров, пр. Мира, д. 37; e-mail: a.kanunov@mail.ru

Цель статьи состоит в актуализации понятия «хаос», эксплицируемого в контексте теоретической этики, а также исследовании его связи с феноменом морального поступка. Статья состоит из трех частей. В первой части сформулирована исследовательская задача. Автор исходит из утверждения, поддерживаемого некоторыми исследователями, согласно которому человек является открытой, синергетической и сильно неравновесной системой, обладающей диссипативной структурой поведения. Вторая часть посвящена рассмотрению оппозиции «хаос – космос», в которой в силу бинарной логики хаос наделяется исключительно негативным смыслом в отличие от космоса. Такая интерпретация связана, прежде всего, с доминированием в классическом рационализме и соответствующем типе мировосприятия механической системности и линейного детерминизма. Принципы неклассической диалектики способствуют разрушению этой бинарной оппозиции и определяют хаос как важнейший компонент развития систем любой природы. Третья часть посвящена рассмотрению свойств хаотических систем в их концептуальном и функциональном отношении со свойствами поступка как сердцевины этического. При этом внутренняя структура поступка представлена как сложное чередование самоорганизации (выстраивание порядка из хаоса) и хаотизации (возникновение хаоса из порядка). Такой подход в этике предполагает «включение» новых, сложных явлений в предмет ее изучения, учитывает неоднородность этического пространства и принципиальную сложность субъекта морали, отражаемую, прежде всего, в поступке.

Ключевые слова: хаос, детерминированный хаос, теория хаоса, нелинейность, самоорганизация, синергетика, свобода, этика, мораль, поступок

Цитирование: Канунов А.Е. Аксиология хаоса в контексте теоретической этики // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 1. С. 80-96. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-1-80-96

THE CHAOS AXIOLOGY IN THE CONTEXT OF THEORETICAL ETHICS

Anton E. Kanunov – PhD in Chemistry, senior scientist. Russian Federal Nuclear Center – All-Russia Research Institute of Experimental Physics. 37 Mira Ave., Sarov, Nizhny Novgorod region, 607188, Russian Federation; e-mail: a.kanunov@mail.ru

The purpose of this paper is to actualize the concept of “chaos” explicated within theoretical ethics and study the relationship thereof with a moral act phenomenon. The paper consists of three parts. The first part contains the formulation of the research problem. The author herein relies on the statement supported by some researchers, thereunder an individual is an open, synergistic and highly non-equilibrium system with a dissipative structure of behavior. The second part deals with the consideration of the “chaos – cosmos” opposition, wherein in view of binary logic the chaos is endowed with a solely negative meaning as contrasted with the cosmos. Such an interpretation is associated, first of all, with the prevalence of mechanical systemicity and linear determinism in classical rationalism and a relevant type of worldview. The principles of non-classical dialectics promote the destruction of this binary opposition and define the chaos as the most important component in the development of systems of any nature. The third part considers the properties of chaotic systems in their conceptual and functional relationship with the properties of an act as the core of the ethical domain. The internal act structure is thereat presented as a complex alternation of self-organization (the forming-up of the order out of the chaos) and the chaotization (the chaos emergence from the order). Such an approach implies in ethics the “inclusion” of new complex phenomena in the subject of its study and takes into account the heterogeneity of the ethical domain and the essential complexity of the morality subject reflected mainly in the act.

Keywords: chaos, deterministic chaos, chaos theory, nonlinearity, self-organization, synergetics, freedom, ethics, morality, action

For References: Kanunov, Anton. 2022. The chaos axiology in the context of theoretical ethics, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (1): 80-96. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-1-80-96 (In Russian)

Cada uno es hijo de sus obras.

Каждый сын своих дел.

Сервантес (пер. А.Г. Погоняйло)

Нелинейно-синергетический взгляд на развитие этики

Теория хаоса обладает особым статусом в науке. Она способствовала появлению новых моделей и методов научных рассуждений, но вопрос о том, может ли она быть квалифицирована как научная революция, остается дискуссионным. Тем не менее, вне-

сенные в науку существенные изменения оказались несовместимыми не только с положениями ньютоновского мировидения, но и законами классической (гегелевской) диалектики [Афанасьева, 2014, с. 5; Donaj, 2018, р. 31–34]. Переход науки к постнеклассическому этапу ее становления создал предпосылки для новых попыток создания единой научной картины мира и принятия нелинейного мировоззрения. В последние десятилетия получили развитие нелинейная динамика (включающая теорию устойчивости, теорию детерминированного хаоса, эргодическую теорию и теорию интегрируемых систем) и синергетика. Хаос¹ в них занимает центральное положение. Вместе с тем не теряют самостоятельного значения понятия «хаос» как протогенезисного субстрата Вселенной (Хаос Гесиода) и дисгармонической неупорядоченности (статистический хаос).

В своей первоначальной версии теория хаоса разрабатывалась главным образом применительно к физическим и химическим процессам, для описания которых используется сложный математический язык. Тем не менее, исследователи синергетики Г. Хакен, И.Р. Пригожин, И. Стенгерс, С.П. Курдюмов и Е.Н. Князева рассматривали теорию хаоса как часть общего системного анализа, помогающего исследовать принципы функционирования систем любой природы и любых систем знания как естественных, так и гуманитарных [Haken, 1983, preface VII–VIII, р. 314–316; Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 386; Князева, Курдюмов, 2007, с. 207–209; Brown, 2008, р. 777–781]. В настоящее время концепция детерминированного хаоса, по мнению ряда авторов, имеет статус новой общенаучной парадигмы, особенностью которой является трансдисциплинарность, направленная, в том числе, на описание бытия человека, общества и культуры [Афанасьева, 2002, с. 5–7, 54; Князева, Курдюмов, 2007, с. 69–74; Можейко, 2008, с. 260; Павлов, Павлов, 2015, с. 137]. В этом отношении эпистемологическая стратегия, выстроенная на нелинейно-синергетическом фундаменте и обращенная на различные сферы человеческого бытования, основана на постулате, что социум и человек представляют собой хаотические системы. Важно иметь в виду, что синергетический концепт определяет детерминированный хаос не как патологию, а как важнейший компонент поведения сложных социальных систем [Gregersen, Sailer, 1993, р. 778; Павлов, Павлов, 2015, с. 137].

В антропосоциокультурной сфере мы можем наблюдать проявления хаоса, например, в кризисных состояниях многих сфер жизни (экономической, социальной, моральной и др.) [Donaj, 2018, р. 31–33].

Современный кризис этики «в немалой степени связан со свершившимся кризисом метафизической картины мира в целом или с радикальной ее трансформацией в современном сознании» (А.Г. Гаджикурбанов), а «этические теории, которые у нас сегодня в ходу, оказываются недостаточными для того, чтобы схватить,

¹ Здесь речь идет о детерминированном (или динамическом) хаосе. Современный период концептуального развития понятия «хаос» связан с оформлением в неклассической науке парадигмальной матрицы исследования нелинейных процессов.

понять современную нравственную ситуацию» (А.А. Гусейнов) [Пружинин и др., 2017, с. 8]. Универсальный эволюционизм увеличивает масштаб противоречий и моральных проблем, а массивы противоречащей информации провоцируют ощущение потери реальности (как это было, например, с главным героем романа Дж. Фаулза «Волхв»), ввергают в состояние «морального ужаса» – интенсивного когнитивного диссонанса, вызванного наблюдением радикально несовместимых ценностей, трансформируются в нетерпимость. Очевидно, что современная культура отличается от классической и требует иных подходов, критериев оценки, способов понимания и здесь перспективным является вопрос о возможности обоснования неклассической модели этики [Назаров, 2017, с. 117]. Актуальные для постмодерна нелинейно-синергетические понятия, такие как самоорганизация, хаотичность, нелинейность, неравновесность и динамичность, приобретают аксиологическое наполнение [Tsalikis, 2018, p. 6, 9–11]. В этой связи интерес представляет актуализация понятий «нелинейность» и «хаос», эксплицируемых в контексте теоретической этики, а также их связь с феноменом морального поступка.

Дуализм «хаос – космос»

В русле конвенциональных подходов категориальная оппозиция «хаос – космос» является аксиологически и этически нагруженной. В силу бинарной логики хаос наделяется исключительно негативным смыслом в отличие от космоса. Такая интерпретация имеет прочное историко-философское обоснование. Этическое измерение философии хаоса в первом приближении раскрывает его конфигурационные связи с концептом морального зла, чем объясняется этическая негативность хаоса в целом. Например, согласно П. Рикеру, культура выработала четыре основные парадигмы происхождения зла, первой из которых является хаос [Ricoeur, 1969, p. 172]. Классики русской философской мысли так же утверждали однозначное родство хаоса с нравственным злом, а в качестве добродетельного жизненного пути – его непрерывное «преодоление и убеждение» (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский и др.). Главной причиной негативного отношения к хаосу является представление о порядке как абсолютном благе, данном Богом [Кулик, 2014, с. 58].

Существенную роль, определяющую понятийный статус хаоса в социально-гуманитарных науках, играет архаическое представление об этом феномене. Однозначное трактование хаоса как абсолютного зла восходит к эллинистическому периоду классической философии, но не к досократической мысли. Интересно отметить, что синергетика и представления о детерминированном хаосе имели отдаленный прообраз в ранних философско-этических концепциях. Кратко остановимся на этом факте. (Следует указать, что в настоящей статье мы намерены использовать хорошо известные

положения ранних мыслителей, поскольку в данном исследовании они имеют принципиальное значение.)

Хорошо известен тезис о том, что отправной точкой исканий первых философов была природа, но не в привычном смысле, пришедшем из позитивного естествознания. Природа являлась для греков также и хранилищем ценностей, моделей человеческого поведения и нормативов морали [Slatkin, 1995, p. 21]. Профессор-классицист Принстонского университета Б. Холмс констатирует, что при анализе античных этических построений натуралистическая ошибка выглядит неуместной в силу прочных связей между природой (особенно человеческой природой) и моральными нормами [Holmes, 2014, p. 570]. А поскольку природный хаос «мыслится, в итоге, как прародитель всего, а значит, и разум человека, и гармония Космоса, и нравственность покоятся на этом зыбком и неопределенном, бесформенном и бездонном основании» [Нижников, 2014, с. 73]. Греки считали, что этос человека образован двумя началами: аполоновским и дионисийским (Ф. Ницше), или демиургическим и хаотическим (Н. Гартман), или интеллектуальным и аффективным (Н. Смит), а все возникающие этические проблемы являются неизбежным следствием конфликта между этими составляющими человеческой природы. Хаотическое начало (дионисийское или аффективное) лишено всяких мер и оценок в отношении добра и зла и представляет собой абсолютную свободу (Вяч. Иванов). Свобода же имеет свойство постоянного и самопроизвольного наращивания, а ее гиперболизация (нарастание «избыточности») неизбежно ведет к крайним формам релятивизма и приводит в итоге к деструкции морали. Например, по свидетельству А.Ф. Лосева, либертинизм как полная свобода морали от каких-либо принципов был одной из причин гибели античной философии и культуры, что вполне созвучно с лирическим пассажем Вяч. Иванова – «преступный хмель свободы».

Определение (термин В.С. Библера) становится не просто способом мировосприятия, но и способом достижения блага и нравственной жизни в целом. Так, *определение* беспредельного и первородного хаоса Пифагор называл благом, а любую противоположность – злом, средоточие же в справедливости никак не может быть беспредельным.

В «Мнениях философов» утверждается: «Πυθαγόρας πρῶτος ὠνόμασε τὴν τῶν ὅλων περιουχὴν κόσμον ἐκ τῆς ἐν αὐτῷ τάξεως» (DK, 14, 21). Версия перевода А.В. Лебедева звучит так: «Пифагор первый назвал Вселенную “космосом” по порядку, который ему присущ» [Ахутин, 2007, с. 287]. А.В. Ахутин высказал мнение, что в этом переводе присутствует омонимия: глагол κοσμέω, от которого образовалось существительное κόσμος, означает устраивать, располагать в порядке, наряжать, убирать, украшать [там же, 2007, с. 287–289]. Космос, в таком случае, прежде всего *упорядочивание* и в его семантическом родстве слово *косметика*, а не Вселенная. Согласно переводу А.В. Ахутина,

«Пифагор первый наименовал всеобъемлющее космосом из-за порядка в нем» [там же, с. 287]. Это всеобъемлющее – не Вселенная, а то, что делает все целым. Традиции нравственной философии построены на идеях космоса, и вся этика сформировалась как *κοσμητικὴ τέχνη* – искусство приведения в порядок. Именно космос лежал в основе всякого справедливого и нравственного поступка, а мораль должна была заимствовать свои принципы у гармонии, управляющей всем космосом.

Хорошо известно, что все ценностные суждения о благодати предела, порядка и космоса явно отвергал Гераклит, считавший высшим законом всего сущего и коренным свойством мироздания *изменчивость* и *противоречие*, которые он наблюдал не только в природе, но и в общественной жизни. По его утверждению, покой – это свойство мертвых (*ἐστί γάρ τοῦτο τῶν νεκρῶν*). Все сущее неупорядоченно и характеризуется множеством возможных состояний и режимов развития. Например, человек существует в постоянном изменении, движении и развитии, претерпевая череду очевидных и неизбежных качественных изменений: биологических, физических, интеллектуальных, нравственных и т.д. Гераклит считал, что для изменения *вещи* в ней уже должен содержаться зародыш ее будущего состояния. В этом отношении этот «резервуар», содержащий все возможные качества, и есть хаос или апейрон Анаксимандра, в котором существует единство противоположностей. Это не только полностью недетерминированное и самоопределяющееся состояние, несущее неопределенные качества, но принцип, осуществляющий и удерживающий постоянные качественные изменения в системах любой природы [Theodossiou et al., 2011, p. 164, 165]. Именно поэтому, согласно Гераклиту, граница между добром и злом не константна – *καὶ ἀγαθὸν καὶ κακόν* («добро и зло – одно и то же», пер. Ф.Х. Кессиди). Эта мысль была зафиксирована в модернизме и постмодернизме как разрушение жестких оппозиций, в частности оппозиции «хаос – космос» с ее последующей трансмутацией в «хаосмос» (Дж. Джойс «Поминки по Финнегану»). Ж. Делез и Ф. Гваттари сделали это слово и сам принцип употребляемым в новом аспекте.

По выводам В.В. Афанасьевой, в нелинейных системах взаимодействие противоположностей настолько сильно, что способствует синтезу сложных качеств [Афанасьева, 2014, с. 7]. Одним из таких качеств является «детерминированное хаотическое», кажущееся в классике оксюмороном, а в постнеклассической науке определяющее типичный характер развития множества реальных систем. Важным при этом является то, что «закон единства и борьбы противоположностей не справляется с описанием некоторых процессов развития, потому что “противоположностей” не две, а больше» [там же]. Именно поэтому бинарные оппозиции деструктурированы [Можейко, 2008, с. 279]. В итоге хаос является не отсутствием порядка, а возможностью существования принципиально иного – одного или нескольких недетерминированных порядков.

Таким образом, в досократическом периоде понятие хаоса не обладало сугубо негативным статусом и не имело прочных отрицательных коннотаций, какие он приобрел в классическом европейском рационализме.

В свете постмодернистской теории классическая парадигма подвергается активной критике, равно как и этика, кризисность которой считают очевидной и закономерной. Такую критику можно назвать если не убийством морали, то ее постепенной деструкцией, поскольку она не предлагает никаких альтернатив. В этой связи возникает вопрос – существует ли этический аспект в философии хаоса?

Нелинейность и хаотичность как характеристики поступка

Проблема определения этического аспекта в философии хаоса обозначалась в философской литературе как отечественной, так и иностранной. Вполне понятно, что функциональные возможности теории хаоса применительно к проблемам этики носят ограниченный характер. Однако, безусловно, применение методологии, выработанной в рамках теории хаоса и синергетики, может помочь в понимании природы человека, различных аспектов социальных систем и человеческих поступков [McKenna, Martin-Smith, 2005, p. 821; Donaj, 2018, p. 23].

Современный американский философ К. Бейтман в своей работе “Chaos Ethics” намеренно ввел термин «моральный хаос» с целью «расшатать» устоявшийся стереотип о том, что этика должна базироваться исключительно на идее рациональной упорядоченности. Согласно его позиции, в основании морали заложен эволюционный механизм, поэтому она не должна фиксироваться на устаревших онтологиях и тем более на стереотипах и предрассудках. Прежде всего, К. Бейтман предпринимает осторожную попытку оправдания релятивизма, который часто обвиняют в «убийстве» морали. Страх отсутствия в настоящее время единой истиной морали К. Бейтман считает напрасным, поскольку релятивизм является вовсе не выбором между моральным законом и *ничем* в пользу последнего [Bateman, 2014, p. 89]. Релятивизм является первой и естественной реакцией на многообразие, с которым столкнулся человек в период глобализации и мультикультурализма. Толерантность, как своеобразная «система безопасности», защищающая человека от человека, оказалась в тупике, созданном ей же самой. Это явление К. Бейтман называет «нетерпимой терпимостью», при которой сопротивление одному злу порождает другое. Фанатизм оперирует наихудшими обобщениями, сопряженными со стереотипами, и успешно применяет их. Умеренные (адекватные) голоса теряются в истошных криках «праведного» фанатизма. Именно поэтому наиболее острые моральные вопросы дня нынешнего никогда не могут быть решены в рамках классического подхода и до тех пор, пока противоборствующие стороны не смогут оценить моральные идеалы друг друга. Бесспорное рациональное зерно

релятивизма содержит простую сентенцию, выражающуюся в разных вариантах: «у каждого своя мораль», «все люди разные», «у каждого своя правда», «у каждого свой порядок» и т.д. Бессмысленно осуждать чужую традицию, чужой «порядок» изнутри своей традиции, своего «порядка». В христианстве эта мысль отражена в словах Иисуса о бревне и сучке (Мф 7:3); в психологии – в ее разделах, рассматривающих когнитивные предубеждения и фатальные ошибки атрибуции. По мнению К. Бейтмана, непрерывное просвещение, понимание *чужого*, способность ведения диалога и коэволюция являются не уступками релятивизму, а требованиями моральной объективности. Он пишет: «Возможно, мораль инсценировала собственную смерть, поскольку устала от злоупотреблений, совершаемых во имя нее» [Bateman, 2014, p. 95]. Действительно, любая дискриминация пытается действовать именно через своеобразно толкуемую нормативную этику. Таким образом, утрачена не мораль как таковая, а ее непререкаемый авторитет.

В настоящее время в культуре констатируется востребованность новых форм нравственного сознания: *этики творчества*, противопоставляемой этике кодекса и ориентированной «на внутреннее самовыстраивание индивидом самого себя» [Можейко, 2008, с. 290, 293]. Однако, «этика творчества возможна лишь при условии ее конституирования как этики ценности» [там же, с. 290].

По нашему мнению, применение принципов неклассической диалектики в этике не требует отмены ее постулатов, а предполагает «включение» новых, сложных явлений в предмет ее изучения. Такой подход к моральному мышлению учитывает неоднородность поля этики, множество разных моралей и принципиальную сложность¹ субъекта морали, отражаемую, прежде всего, в поступке, ибо человек – действующий когнитивный агент или, по Аристотелю, человек – «сила, порождающая действия».

В современной отечественной философии идея единственности субъекта индивидуально-ответственного поступка отражена в некоторых работах академика А.А. Гусейнова и его школы и опирается на философскую систему М.М. Бахтина.

А.А. Гусейнов включил понятие единственности в понятие морали и расшифровал его как «пространство свободного, или, что одно и то же, индивидуально ответственного поведения, понимая под последним поведение, по отношению к которому действующий индивид является не только ближайшей, но также единственной и последней причиной и потому несет за него ответственность с неотвратимостью, во всем объеме и только перед самим собой» [Гусейнов, 2001, с. 32]. Причина поступка имеет только «причинность из свободы» и «субъект морали абсолютно единственен (и в этом – абсолютен) в силу того, что он является единственным основанием поступка, так что всякое ограничение этой единствен-

¹ Сложность здесь понимается как принципиально непросчитываемое, неопределенное и, в основном, стохастическое состояние, являющееся результатом многофакторности как причины неожиданных событий и поступков.

ности означало бы, что поступок имеет и другие причины, а значит, субъектность и являющаяся тождественной ей ответственность невозможны» [Зубец, 2014, с. 189]. Важным утверждением здесь является: быть моральным значит быть причиной своих поступков. Рассматривая поступок и человека как ἀρχή (первопричину, основание) поступка, О.П. Зубец показывает, что «отношение меня и моего поступка наиболее точно выражает понятие начала: начало поступка возведено к руководящей части души (то есть ко мне как человеку, сознательному и волевому существу), и я существую как человек именно в качестве начала поступка» [Зубец, 2019, с. 54]. По слову Аристотеля, приведенному в статье [там же, с. 55], «поступок избирается ради него самого (а не ради результата) – он никогда не есть средство или причина, он абсолютно окончателен и этим отменяет детерминированность мира и соответствующую ей логику». Большое значение в понимание сущности поступка вносит понятие ἀρχή, наделяемое этическим смыслом, и идея о человеке как ἀρχή поступка. В этом отношении О.П. Зубец утверждает, что «имманентность цели и человеческое бытие в поступке в качестве ἀρχή задает пространство морали вне причинно-следственных связей и логики» [там же, с. 49]. Поступок познается и видится *изнутри* поступающего и поэтому имеет определения, прочно связанные с понятиями и характеристиками хаоса или апейрона: безграничностью, изначальностью, самодостаточностью, универсальностью и т.д. [там же, с. 52–53]. Понятие ἀρχή, заданное в этике и относимое к сердцевине этического – поступку, «несопоставимо и несоизмеримо с распространенными в современной этике понятиями намерения, мотива или желания и уж тем более не сводимо к ним: в нем человек стоит в великом властно-ответственном отношении к миру в его полноте и цельности...» [там же, с. 60]. Иными словами, мотивация – не причина поступка, а лишь его объяснение; ἀρχή поступка – это свободное начало, бытие человека как *самое себя*. Выражаясь словами Ницше, это и есть та бездна и тот хаос, который нужно носить *в себе*.

Начальное или нулевое состояние поступка – ἀρχή – можно рассматривать как первую фазу его развития. Именно в этой точке поступок ничем не детерминирован. Развиваясь, поступок уже может детерминироваться как самим человеком, так и внешними обстоятельствами. Таким образом, развитие поступка от нулевой фазы до конечной (до совершения предметного действия) представляет собой процесс самоорганизации как перехода от свободного (хаотичного) состояния к упорядоченному. Причем самодетерминация есть проявление моральной автономности.

Совершая поступок, человек тем самым создает новые реальности, которые необратимо сказываются на дальнейшем ходе событий [Тулчинский, 2020, с. 346]. Здесь реализуется детерминированный хаос (самодезорганизация или хаотизация как явление, противоположное самоорганизации) в виде ветвления цепи собы-

тий, которые в принципе невозможно однозначно предсказать. Это положение хорошо иллюстрирует английская народная песня «Гвоздь и подкова»¹.

Имея в виду, что «любое нелинейное развитие представляет собой сложнейшее чередование самоорганизации и хаотизации» [Афанасьева, 2002, с. 87], можно сделать вывод о механизме поступка в целом.

Моральный выбор, совершаемый в процессе самоорганизации или хаотизации, можно рассматривать как бифуркацию². Именно эта фаза является крайне неустойчивой: малейшие факторы могут оказать влияние на выбор и поступок. Не случайно, что человек в таких ситуациях прибегает к поиску этого фактора, способствующего выталкиванию из метастабильного состояния: ищет совета, кидает жребий, высматривает знаки и даже обращается за «магической помощью». В некоторых случаях моральный выбор осознается субъектом как мучительный.

Принципиальное отличие детерминированного хаоса от других видов хаоса состоит в том, что в хаотическом состоянии может находиться (равно как и существовать, двигаться, развиваться и т.д.) не *многое*, а *одно*, например, не социум, а один человек. (Кроме того, по мнению некоторых исследователей, с которым мы согласны, человек гораздо сложнее социальной группы или общества, поскольку его нелинейность выше [Князева, Курдюмов, 2007, с. 184; Brown, 2008, p. 83]). Точно так же человек представлен в пространстве морали. В этом и состоит один из парадоксов этики: «сам по себе человек в его потенциальности морально нейтрален (не определен) – он ни плохой и ни хороший. По сути, одно и то же действие может становиться и плохим, и хорошим в зависимости от цели и степени (меры) его реализации» [Платонов, 2021, с. 33–34]. Это положение согласуется с высказыванием Гераклита о единой природе добра и зла, а также с принципом золотой середины Аристотеля, который гласит, что «добродетельные поступки связаны с порочными состояниями единством материи деятельности» (А.А. Гусейнов; цит. по [там же, с. 34]).

Нельзя не согласиться с выводами В.В. Афанасьевой о том, что самый глубокий из трех смысловых слоев постижения феномена хаоса отождествляет его со свободой, но существо этого тождества само по себе является серьезной философской задачей [Афанасьева, 2002, с. 110]. Однозначно отождествлять эти два понятия было бы слишком смелым шагом. Однако свобода и хаос принципиально безосновны, они могут быть негативными и позитивными, разрушительными и созидающими, являться активными элементами

¹ Не было гвоздя – подкова пропала,
Не было подковы – лошадь захромала,
Лошадь захромала – командир убит,
Конница разбита, армия бежит,
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого что в кузнице не было гвоздя. (пер. С.Я. Маршака)

² Под бифуркацией понимается ветвление возможных путей развития системы.

эволюции и инволюции. Н.А. Бердяев указывал, что все эти качества сосуществуют вместе: свобода добра предполагает свободу зла; более того, они дополняют друг друга. В этом, согласно Н.А. Бердяеву, и состоит трагизм диалектики [Бердяев, 2019, с. 166]. О связи свободы и хаоса Н.А. Бердяев пишет следующее: «Свобода противостоит исключительному господству начала формы, ограничивающего предела. Свобода предполагает бесконечность. Для грека это был исключительно хаос. Для человека христианского мира бесконечность – не только хаос, но и свобода» [там же, с. 169].

Хаос приобретает свой смысл и являет свою сущность только в интенциональной человеческой деятельности и предельно познается как трансцендентный феномен [Афанасьева, 2002, с. 18]. Также свобода, будучи абсолютной потенциальностью, трансцендентна.

Итак, в нравственно-философском плане человек является открытой, синергетической и сильно неравновесной системой, обладающей диссипативной структурой поведения [Тульчинский, 2020, с. 348].

Человек, как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, как когнитивный и моральный агент, бесспорно обладает свободой воли. Связь этой сложной категории с концепциями теории хаоса рассмотрел Д.С. Чернавский в книге «Синергетика и информация: динамическая теория информации». Для наглядности и простоты восприятия этого сопоставления представим основные позиции в виде таблицы [Чернавский, 2017, с. 235–241]. Все три рассмотренных частных случая имели место в общественных процессах во все времена.

Таблица – Связь теорий хаоса с проблемой свободы воли (сопоставление Д.С. Чернавского) [Чернавский, 2017, с. 235–241].

Этическая категория Теория		Свобода воли	Моральная ответственность	Совесть
Жесткий детерминизм		отсутствует	отсутствует	отсутствует
Теория хаоса	Статистический хаос	присутствует	отсутствует	отсутствует
	Динамический хаос	присутствует	присутствует	присутствует

1. Согласно теории жесткого детерминизма, каждое событие является линейным следствием определенной причины и т. д. У субъекта отсутствует возможность проявить свободу, и все его поступки строго предопределены. В таком случае невозможна и ответственность за совершенный поступок, поскольку она предполагает возможность совершения другого поступка (принцип аль-

тернативной возможности). Совесть, как предполагающая наличие ответственности, в этом случае исключается. В целом такой частный случай Д.С. Чернавский характеризует как внеморальный.

2. Второй частный случай раскрывает существо статистического хаоса. В этом аспекте каждое событие и поступок субъекта случайны и не могут являться причиной последующего события или поступка. Поведение субъекта зависит от множества самых разных условий, учесть которые нельзя (например, настроение, сиюминутное желание, влияние среды и т.д.). При этом у субъекта есть право выбора и свобода воли. Но предвидеть, как повлияет поступок на последующие события (особенно отдаленные), невозможно, поскольку они случайны. Поэтому понятие ответственности за поступки тоже теряет смысл. Вместе с ним размывается и теряется представление о совести.

3. В третьем случае мы имеем дело с детерминированным хаосом, где наряду с нелинейностью учитываются динамические понятия, например, предсказуемость ближайших последствий – горизонт прогнозирования. Поведение человека по-прежнему определяется множеством начальных условий, но при этом существует способность предвидеть ближайшие последствия своего действия – пользу или вред как для себя, так и для окружающих. В таком случае становятся позитивно активными все три этические категории: свобода воли, моральная ответственность и совесть. По нашему убеждению, в основе свободы воли лежит способность человека овладевать детерминированным хаосом, обращать его на пользу себе и другим. Для морали она имеет принципиальное значение.

Рассмотренные два вида хаоса – статистический и детерминированный – соответствуют понятиям самопроизвольности и автономности (моральному суверенитету) как характеристикам личности в пространстве этики.

В статье «Принятие решения как процесс симплификации: новые концептуальные перспективы» [McKenna, Martin-Smith, 2003, p. 831] приведены результаты диссертационного исследования Е.Е. Цахуриду («Моральная самостоятельность в принятии организационных решений», 2003 г., Университет Эдит Коуэн, г. Перт, Австралия), из которых следует, что в коллективах с рационализированным климатом (иерархический тип организационной культуры, по К. Камерону и Р. Куинну) наблюдается уклонение от принятия решений и личной ответственности за них, отсутствует моральная автономия каждого члена коллектива и имеет место гетерономия или спонтанность в принятии моральных решений (отсутствие собственного мнения и выраженной позиции обеспечивает моральный комфорт – иллюзия отсутствия ответственности). Напротив, в коллективах с клановым типом организационной культуры люди с большей вероятностью демонстрировали моральную автономию, были более заботливыми и чувствительными (попросту более *человечными*) по отношению друг к другу.

К похожим выводам пришли К. Вохс и Р. Баумейстер: в их специальном исследовании было показано, что, знакомя людей с научной литературой, отрицающей существование свободы воли и доказывающей доминирование над людьми бессознательных процессов, генетического детерминизма, биохимических факторов и т.д., мы снижаем их нравственный потенциал. Люди становятся более склонными к обману, воровству, агрессивным действиям и значительно менее охотно помогают другим. Кроме этого, такие люди имеют повышенную агрессивность. И наоборот, доказательства существования свободы воли и усиление веры в нее не имело значительного негативного эффекта. Это говорит о том, что люди склонны верить в собственную моральную автономию и выступать в качестве моральных агентов [Vohs, Baumeister, 2009, p. 232]. Однако, К. Вохс и Р. Баумейстер отмечают наличие своеобразной зависимости от ощущения ограничения собственной свободы воли: совершая аморальные действия, люди склонны оправдывать это отсутствием свободы, влиянием обстоятельств, безвыходностью и проч. [ibid, 2009, p. 234].

Возвратимся к обозначенным выше положениям о феномене поступка в современной этике. «...Поступок <...> совершается субъектом морали, от которого абсолютно зависит, совершать его или нет, и смысл этого поступка не зависит ни от каких иных причин и обстоятельств, кроме “причинности из свободы”...» [Зубец, 2014, с. 189]. А это значит, что человек ответственен за поступок, совершенный и в системе альтернатив, и в случае, когда он не мог поступить иначе [Скрипник, 2012, с. 216]. Это свидетельствует не только о безусловном признании свободы воли, но и об онтологической изначальности и первичности ответственности [Тулчинский, 2020, с. 410]. Таким образом, становится ясно, что синергетика и ее методология актуальны для философии поступка [там же, с. 349]. Это приводит к парадоксальному заключению: онтологически свободный и ответственный поступок является хаотическим и с точки зрения самоорганизации, и исходя из представлений о детерминированном хаосе. Поступок обладает нелинейно-синергетическими свойствами, включающими: 1) неравновесность, являющуюся признаком и причиной его необратимости; 2) динамичность; 3) чувствительную зависимость от начальных условий; 4) непредсказуемость результирующего состояния.

Методология, выработанная теорией хаоса и синергетикой, и рассмотренные выше теоретические аргументы, могут представлять интерес при обосновании неклассической модели этики, сочетающей в себе этику творчества и этику ценности. При этом проблема оценки поступка в системе неклассической этики и выведение взвешенных этических позиций является сложной задачей и может стать предметом отдельного теоретического исследования.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Афанасьева, 2002 – *Афанасьева В. В.* Детерминированный хаос: феноменологическо-онтологический анализ. Дис. ... д-ра филос. наук. Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского., 2002. 353 с.

Афанасьева, 2014 – *Афанасьева В. В.* Нелинейная диалектика // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 5–9.

Ахутин, 2007 – *Ахутин А. В.* Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.

Бердяев, 2019 – *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского. М.: Академический проект, 2019. 560 с.

Гусейнов, 2001 – *Гусейнов А. А.* Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 3–33.

Зубец, 2014 – *Зубец О. П.* Предпочтение жизни самого себя // Мораль: разнообразие понятий и смыслов; под ред. О. П. Зубец. М.: Альфа-М, 2014. С. 174–200.

Зубец, 2019 – *Зубец О. П.* Об этическом смысле понятия ἀρχή // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 1. С. 49–62.

Князева, Курдюмов, 2007 – *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. 272 с.

Кулик, 2014 – *Кулик А. В.* Взаимосвязь понятий «хаос» и «зло» в истории философской мысли // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 58–65.

Можейко, 2008 – *Можейко М. А.* От «этики кодекса» (и) к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре // Живая этика и наука. 2008. № 1. С. 260–303.

Назаров, 2017 – *Назаров В. Н.* Вероятностная модель этики в контексте неклассической рациональности (лексикографический аспект) // Мораль в современном мире и проблемы российской этики; под ред. Б. И. Пружинина. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. С. 116–127.

Нижников, 2014 – *Нижников С. А.* Древнегреческая метафизика: генезис и классика. М.: Инфра-М, 2014. 216 с.

Павлов, Павлов, 2015 – *Павлов А. П., Павлов П. А.* Онтология социального хаоса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8(58). С. 136–139.

Платонов, 2021 – *Платонов Р. С.* Проблема универсальности суждений в этике Аристотеля // Универсальность в морали; под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Садра, 2021. С. 28–53.

Пригожин, Стенгерс, 1986 – Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

Пружинин и др., 2017 – Пружинин Б. И., Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Бахитановский В. И., Гаджикурбанов А. Г., Гусейнов А. А., Зубец О. П., Кашиников Б. Н., Назаров В. Н., Перов В. Ю., Прокофьев А. В., Разин А. В., Шохин В. К., Юдин Б. Г. Мораль в современном мире и проблемы российской этики. Материалы конференции – «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 5–46.

Скрипник, 2012 – Скрипник А. П. Через моральную ответственность к свободе воли? // Регионология. 2012. № 4(81). С. 215–217.

Тульчинский, 2020 – Тульчинский Г. Л. Философия поступка. Самоопределение личности в современном обществе. СПб: Алетея, 2020. 826 с.

Чернавский, 2017 – Чернавский Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. М.: ЛЕНАНД, 2017. 304 с.

Bateman, 2014 – Bateman C. Chaos Ethics. Winchester; Washington: Zero Books, 2014. 438 p.

Brown, 2008 – Brown W. S. Corporate ethics initiatives as change management: lessons from complexity/chaos theory // International Journal of Management Concepts and Philosophy. 2008. Vol. 3. No. 1. P. 82–91.

Donaj, 2018 – Donaj Ł. Deterministic chaos theory and forecasting in Social Sciences. Contribution to the discussion // Przegląd Politologiczny. 2018. No. 1. P. 21–48.

Gregersen, Sailer, 1993 – Gregersen H., Sailer L. Chaos theory and its implications for social science research // Human Relation. 1993. Vol. 46. No. 7. P. 777–802.

Haken, 1983 – Haken H. Advanced Synergetics: Instability Hierarchies of Self-Organizing Systems and Devices. Berlin; Hiedelberg; N. Y., Tokyo: Springer Verlag, 1983. 371 p.

Holmes, 2014 – Holmes B. Greco-Roman ethics and the naturalistic fantasy // Isis. 2014. No. 105. P. 569–578.

McKenna, Martin-Smith, 2005 – McKenna R. J., Martin-Smith B. Decision making as a simplification process: new conceptual perspectives // Management Decision. 2005. Vol. 43. No. 6. P. 821–836.

Ricoeur, 1969 – Ricoeur P. The Symbolism of Evil. Boston: Beacon press, 1969. 362 p.

Slatkin, 1995 – Slatkin L. Measuring authority, authoritative measures: Hesiod's Works and Days // The Moral Authority of Nature / ed. L. Daston and F. Vidal. Chicago: Univ. Chicago Press, 1995. P. 21–49.

Theodossiou et al., 2011 – Theodossiou E., Mantarakis P., Dimitrijevic M. S., Manimanis V. N., Danezis E. From the infinity (Apeiron) of Anaximander in Ancient Greece to the theory of Infinite Universes in modern cosmology // Astronomical and Astrophysical Transactions. 2011. Vol. 27. No. 1. P. 162–176.

Tsalikis, 2018 – Tsalikis J. Can we act ethically? Implications of determinism, Chaos Theory and unintended consequences // Business Ethics and Leadership. 2018. Vol. 2. No. 2. P. 6–13.

Vohs, Baumeister, 2009 – Vohs K. D., Baumeister R. F. Addiction and free will // Addiction Research and Theory. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 231–235.

References

- Afanasjeva, V.V. *Determinirovannyi khaos: fenomenologicheskoo-ontologicheskii analiz* [Deterministic Chaos: Phenomenological-Ontological Analysis]: D.Sc. Thesis (Philosophy). Saratov: Saratov State University, 2002. (In Russian)
- Afanasjeva, V.V. "Nelineynaya dialektika" [Nonlinear dialectics], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2014, vol. 14, no. 3, pp. 5–9. (In Russian)
- Akhutin, A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Ancient Origins of Philosophy]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2007. (In Russian)
- Bateman, C. *Chaos Ethics*. Winchester; Washington: Zero Books, 2014.
- Berdyayev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2019. (In Russian)
- Brown, W.S. "Corporate ethics initiatives as change management: lessons from complexity/chaos theory", *International Journal of Management Concepts and Philosophy*, 2008, vol. 3, no. 1, pp. 82–91.
- Chernavskiy, D.S. *Sinergetika i informatsiya: Dinamicheskaya teoriya informatsii*. [Synergetics and Information: Dynamic Information Theory]. Moscow, LENAND Publ., 2017. (In Russian)
- Donaj, Ł. "Deterministic chaos theory and forecasting in Social Sciences. Contribution to the discussion", *Przegląd Politologiczny* [Political Science Review], 2018, no. 1, pp. 21–48.
- Gregersen, H., Sailer, L. *Chaos Theory and Its Implications for Social Science Research. Human Relation*, 1993, vol. 46, no. 7, pp. 777–802.
- Guseynov, A.A. "Soslagatelnoe naklonenie morali" [Subjunctive mood of morality], *Voprosy filosofii*, 2001, no. 5, pp. 3–33. (In Russian)
- Haken, H. *Advanced Synergetics: Instability Hierarchies of Self-Organizing Systems and Devices*. Berlin; Hiedelberg; New York, Tokyo: Springer Verlag, 1983.
- Holmes, B. "Greco-Roman ethics and the naturalistic fantasy", *Isis*, 2014, no. 105, pp. 569–578.
- Knyazeva, H.N., Kurdyumov, S.P. *Sinergetika: Nelineynost vremeni i landschafty koevolutsii* [Synergetics: Time Nonlinearity and Coevolution Landscapes]. Moscow: KomKniga Publ., 2007. (In Russian)
- Kulik, A.V. "Vzaimosvyaz ponyatiy "khaos" i "zlo" v istorii filosofskoy mysli" [Concepts of "chaos" and "evil" correlation in history of philosophical thought], *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Herald of Dnepropetrovsk University. Philosophy. Sociology. Politology], 2014, no. 3, pp. 49–54. (In Russian)
- McKenna, R.J., Martin-Smith, B. "Decision making as a simplification process: new conceptual perspectives", *Management Decision*, 2005, vol. 43, no. 6, pp. 821–836.
- Mozheyko, M.A. "Ot 'etiki kodeksa' (i) k 'etike tvorchestva': transformatsiya nravstvennogo soznaniya v sovremennoy culture" [From the "ethics of the codex" (and) to the "ethics of creativity": the transformation of moral consciousness in modern culture], *Zhivaya etika i nauka* [Live Ethics and Science], 2008, no. 1, pp. 260–303. (In Russian)
- Nazarov, V.N. "Veroyatnostnaya model etiki v kontekste neklassicheskoy ratsionalnosti (leksikograficheskii aspekt)" [Probabilistic model of ethics in the context of nonclassical rationality (lexicographical aspect)], in: B.I. Pruzhinin (ed.), *Moral v sovremennom mire i problemy rossiyskoy etiki* [Morality in the

Modern World and the Problems of Russian Ethics]. Moscow, Saint Petersburg: TsGI Print, 2017, pp. 116–127. (In Russian)

Nizhnikov, S.A. *Drevnegrecheskaya metafizika: genezis i klassika* [Ancient Greek Metaphysics: Genesis and Classics]. Moscow: Infra-M Publ., 2016. (In Russian)

Pavlov, A.P., Pavlov, P.A. “Ontologiya sotsialnogo khaosa” [Ontology of Social Chaos], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice], 2015, no. 8(58), pp. 136–139. (In Russian)

Platonov, R.S. “Problema universalnosti suzheniy v etike Aristotelya” [The problem of universality judgments in Aristotle's Ethics], in: R.G. Apresyan (ed.), *Universalnost v morali*. [Universality in Morality]. Moscow: Sadra Publ., 2021, pp. 28–53. (In Russian)

Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy*. [Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]. Moscow: Progress Publ., 1986. (In Russian)

Pruzhinin, B.I., Apresyan, R.G., Artemyeva, O.V., Bakshtanovsky, V.I., Gadzhikurbanov, A.G., Guseynov, A.A., Kashnikov, B.N., Nazarov, V.N., Perov, V.Y., Prokofyev, A.V., Razin, A.V., Shokhin, V.K., Yudin, B.G., Zubets, O.P. “Moral v sovremennom mire i problemy rossiyskoy etiki [Morality in the Modern World and the Problems of Russian Ethics]: Conference – *round-table proceedings*”, *Voprosy filosofii*, 2017, no. 10, pp. 5–46. (In Russian)

Ricoeur, P. *The Symbolism of Evil*. Boston: Beacon press, 1969.

Skripnik, A.P. “Cherez moralnyuyu otvestvennost k svobode voli?” [Through moral responsibility to free will?], *Regionologiya* [Region Studies], 2012, no. 4(81), pp. 215–217. (In Russian)

Slatkin, L. “Measuring authority, authoritative measures: Hesiod's Works and Days”, in: L. Daston, F. Vidal (eds.), *The Moral Authority of Nature*. Chicago: Univ. Chicago Press, 1995, pp. 21–49.

Theodossiou, E., Mantarakis, P., Dimitrijevic, M.S., Manimanis, V.N., Danezis, E. “From the infinity (Apeiron) of Anaximander in Ancient Greece to the theory of Infinite Universes in modern cosmology”, *Astronomical and Astrophysical Transactions*, 2011, vol. 27, no. 1, pp. 162–176.

Tsalikis, J. “Can we act ethically? Implications of determinism, Chaos Theory and unintended consequences”, *Business Ethics and Leadership*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 6–13.

Tulchinskiy, G.L. *Filosofiya postupka. Samoopredelenie lichnosti v sovremennom obshchestve* [The Philosophy of the Act. Self-determination of the Individual in Modern Society]. Saint Petersburg: Aletheya Publ., 2020. (In Russian)

Vohs, K.D., Baumeister, R.F. “Addiction and free will”, *Addiction Research and Theory*, 2009, vol. 17, no. 3, pp. 231–235.

Zubets, O.P. “Ob eticheskom smysle ponyatiya ἀρχή” [On the ethical meaning of ἀρχή], *Ethical Thought*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 49–62. (In Russian)

Zubets, O.P. “Predpochtenie zhizni samogo sebya” [Preference for life itself], in: O.P. Zubets (ed.), *Moral: raznoobrazie ponyatiy i smyslov* [Morality: Diversity of Concepts and Meanings]. Moscow: Alfa-M Publ., 2014, pp. 174–200. (In Russian)

Поступила в редакцию: 04.03.2022